

Научная статья
УДК 343.985.3; 343.144
EDN GKSYHX
DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.99-107

Видео-конференц-связь как средство формирования доказательств: проблемы интеграции в уголовное судопроизводство

Ю.В. Одноралова

Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, rui@mvd.ru

Аннотация. Признавая долгожданным введение в российский уголовно-процессуальный закон нормы, регулирующей проведение в режиме видео-конференц-связи допроса, очной ставки, опознания на этапе досудебного производства, автор обращает внимание на отдельные неоднозначные моменты содержания ст. 189.1 УПК РФ. Считая вполне оправданным такие аспекты, как отсутствие указания на процессуальный статус и иные особенности лица, с участием которого будет проводиться соответствующее следственное действие, а также на конкретизированный перечень ситуаций, требующих применения дистанционного формата, автор полагает, что в анализируемой статье недостаточно информативно отражен ряд вопросов, необходимых для обеспечения успешной совместной и согласованной деятельности субъекта расследования, в производстве которого находится уголовное дело, и сотрудника, которому поручены организация и обеспечение осуществления следственного действия в удаленном режиме по месту нахождения лица, проходящего по уголовному делу. Это побудило автора предложить рекомендации, направленные на возможное разрешение затронутых проблем.

Ключевые слова: видео-конференц-связь, следственные действия, допрос, очная ставка, опознание, предварительное расследование, дистанционный формат.

Для цитирования: Одноралова Ю.В. Видео-конференц-связь как средство формирования доказательств: проблемы интеграции в уголовное судопроизводство / Ю.В. Одноралова. — DOI 10.17150/2411-6122.2025.1.99-107. — EDN GKSYHX // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2025. — № 1. — С. 99–107.

Original article

Video Conferencing as a Means of Evidence Formation: Problems of Integration into Criminal Proceedings

Yu.V. Odnoralova

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Rostov-on-Don, the Russian Federation, rui@mvd.ru

Abstract. The author welcomes the long-awaited amendment to the Russian criminal procedure law that regulates the use of videoconferencing when conducting interrogations, confrontations, identifications at the stage of pre-trial proceedings, and draws attention to certain controversies in the contents of Art. 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. While considering such aspects as the absence of reference to the procedural status and other details of the

person involved in the corresponding investigatory action, or the absence of a list of specific situations requiring a distance format, to be justified, the author believes that the Article under consideration provides insufficient information on a number of points necessary for ensuring successful cooperation and coordination of the actions of the subject of investigation working on a criminal case, and the person responsible for organizing and conducting investigative action in a distance format at the location of the criminal case's participant. This situation prompted the author to offer recommendations regarding the possible solutions of the problems under discussion.

Keywords: video conferencing, investigative actions, interrogation, confrontation, identification, preliminary investigation, remote format.

For citation: Odnoralova Yu.V. Video Conferencing as a Means of Evidence Formation: Problems of Integration into Criminal Proceedings. *Sibirskie Uголовно-Processual'nye i Kriminalisticheskie Chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2025, no 1, pp. 99–107. (In Russian). EDN: GKSYHX. DOI: 10.17150/2411-6122.2025.1.99-107.

Регламентация в уголовно-процессуальном законе возможности проведения в дистанционном формате допроса, очной ставки, предъявления для опознания, отображенная в ст. 189.1 УПК РФ, обусловлена комплексом предпосылок теоретического и практического характера. Данная новелла прежде всего олицетворяет серьезный этап в процессе реализации идеи о формировании цифрового уголовного судопроизводства, выступающего, в свою очередь, проявлением такой носящей универсальный характер современной тенденции, как цифровизация всех сфер жизни общества и каждой личности. Постепенное оснащение правоохранительных органов современными электронными ресурсами, а также модернизация в данном контексте уголовного судопроизводства и иных нормативных актов, регулирующих борьбу с преступностью, — есть закономерное реагирование на актуальные вызовы нынешнего криминалитета [1, с. 7–13; 2, с. 16–21; 3, с. 60–66; 4, с. 417–420].

Правоприменительная практика и ранее знала случаи дистанционного проведения следственных действий, — с момента появления в распоряжении следователя или дознавателя средств

телекоммуникационной связи. Тем не менее, отсутствие четкой регламентации оснований, условий, порядка и особенностей их производства, не могло не способствовать возникновению конфликтных ситуаций расследования, обусловленных сомнением в допустимости и достоверности полученной таким образом доказательственной информации по уголовному делу [5, с. 370–374].

Признавая безусловно позитивный и даже долгожданный характер самого по себе введения данного института применительно к стадии предварительного расследования, о необходимости регламентации которого настойчиво отмечалось в специальной литературе в предшествующий этому моменту период [6, с. 115–129; 7, с. 28–31; 8, с. 49–53; 9, с. 291–315; 10, с. 133–138; 11, с. 22–24], отметим, что не все актуальные вопросы, возникающие в связи с внедрением режима производства следственных действий в дистанционном формате, получили достаточное отражение в обозначенной норме.

Содержание ст. 189.1 УПК РФ создает впечатление, что производство допроса, очной ставки, опознания с использованием видео-конференц-связи, по своей сущности фактически высту-

пает частным случаем дачи субъектом расследования письменных поручений о производстве следственных действий вне места производства предварительного расследования уполномоченному должностному лицу иного органа расследования (следователю, дознавателю, органу дознания), территориально дислоцирующегося в месте нахождения соответствующего носителя доказательственной информации (чаще всего — лица, обладающего информацией, значимой для установления обстоятельств, имеющих значение для производства по уголовному делу).

Напомним, что в соответствии с ч. 1 ст. 152 УПК РФ, предварительное расследование, по общему правилу, осуществляется по месту совершения противоправного деяния, что подразумевает принятие уголовного дела к производству следователем (дознавателем) именно того подразделения правоохранительного органа, которому предоставлены служебные полномочия действовать в пределах определенного административно-территориального образования (района, города и т.д.).

В то же время, в случае необходимости проведения следственных действий в ином месте (выходящем за пределы обозначенной локации), допускается их выполнение в соответствующем месте как лично следователем, имеющим данное уголовное дело в своем производстве (в том числе, при необходимости путем оформления командировки), так и по поручению этого субъекта — иным следователем, дознавателем, органом дознания, уполномоченным реализовывать свои служебные функции в пределах вверенной ему территории (где в данный момент находится допрашиваемый).

Уголовно-процессуальный закон не конкретизирует случаи, требующие

проведения следственных действий в дистанционном формате, что нам представляется вполне оправданным (это нисколько не является упущением или пробелом), поскольку, наряду с типовыми обстоятельствами, обуславливающими пребывание носителя доказательственной информации вне места осуществления предварительного расследования, возникновение прочих подобных ситуаций не всегда предсказуемо и прогнозируемо. Это может быть пребывание под стражей [12, с. 16–19] лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и в этой связи его участие в допросе, очной ставке, опознании — по существу сведений, предусмотренных соглашением, в том числе применительно к преступлениям, возбужденным в отношении иных лиц и эпизодов. Кроме того, традиционны такие обстоятельства, как нахождение в длительной командировке, разъездной характер трудовой деятельности, состояние здоровья (прохождение курса лечения с пребыванием в медицинском стационаре), постоянное проживание в ином регионе [13, с. 37–40] и т.д. Имевшая место быть в недавнем прошлом пандемия коронавирусной инфекции, повлекшая введение режима строгих санитарно-эпидемиологических ограничений на перемещение граждан (локдаун), — не менее наглядная иллюстрация.

Обращает на себя внимание также отсутствие конкретизации процессуального статуса лица, в отношении которого возникла потребность в проведении следственных действий в дистанционном режиме, что также нам представляется не случайным, а вполне оправданным. Соответственно, данные следственные действия могут быть проведены не только в отношении потерпевшего, свидетеля, подозревае-

мого, обвиняемого, но и, например, в отношении эксперта, специалиста. Помимо процессуального статуса, отсутствует упоминание относительно других особенностей участника следственного действия, а именно: возраста (несовершеннолетний, в т.ч. малолетний, взрослый), степени владения языком уголовного судопроизводства, ограниченных возможностей, психического состояния (например, наличие признаков ограниченной вменяемости, аффективных и иных психотравмирующих состояний); позиция по отношению к расследованию (сотрудничество со следствием, согласие с обвинением, либо, напротив, непризнание вины и осуществление противодействия расследованию; наличие рецидива) и т.д.

Отсутствие указаний на те или иные особенности лица — обладателя криминалистически значимой информации и участника дистанционного следственного действия, с одной стороны, снимает обозначенные ограничения, с другой стороны — возлагает ответственность за принятие решения на следователя в зависимости от анализа конкретной ситуации, и не нейтрализует процессуальной ответственности следователя за последствия.

Согласно ч. 1 ст. 152 УПК РФ, возможность делегирования уголовно-процессуальных полномочий следователю, дознавателю, органу дознания территориально иного органа расследования, по общему правилу, не конкретизирована применительно к перечню следственных действий. Иными словами, в формате выполнения отдельных поручений следователя (дознавателя) теоретически могут быть обозначены любые следственные (а также розыскные действия). В отличие от этого, согласно действующей редакции ч.1 ст. 189.1 УПК РФ, использование виде-

оноконференцсвязи допустимо лишь для допроса, очной ставки, предъявления для опознания, — то есть следственных действий, имеющих исключительно вербальную природу.

Характерно, что и ч. 1 ст. 152, и ч. 2 ст. 189.1 УПК РФ, содержат императив о делегировании субъектом, в производстве которого находится уголовное дело, вышеуказанных полномочий именно напрямую следователю, дознавателю, органу дознания (если производство по делу ведется следователем), либо дознавателю, органу дознания (если производство по делу ведется дознавателем). Иными словами, законодатель не требует направлять такие поручения руководителю соответствующего подразделения, либо, собственно, в конкретное подразделение (за исключением органа дознания). Однако очевидно, что, как правило, сами по себе «равноценные» по статусу сотрудники аналогичных подразделений правоохранительных органов, расположенных в пределах различных административно-территориальных единиц, изначально не взаимодействуют. Распределение служебных задач, в частности, в виде подлежащих расследованию уголовных дел, а также материалов дел (как и материалов проверок) осуществляется через руководителя.

Можно было бы предположить, что законодателем попросту не конкретизирован этот аспект. Однако, обратившись к ст. 38 УПК РФ, регулирующей перечень основных полномочий следователя, констатируем, что в п. 4.1 содержится прямое указание на право следователя в порядке, предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ, давать обязательные для исполнения письменные поручения именно непосредственно следователю, дознавателю, органу дознания, — об организации участия определенного

лица в следственном действии, проводимом дистанционно.

Считаем, что все поручения «внешнего характера» (поступившие извне) о производстве следственных и/или иных процессуальных действий должны проходить через контроль руководителя (т.н. «принимающего») следственного органа или начальника органа дознания, включая, прежде всего, выбор и назначение конкретного исполнителя. Следователь или дознаватель, в производстве которого находится т.н. «основное» уголовное дело, не обязан обладать информацией относительно личного состава сотрудников подразделения, куда он намеревается направить поручение об осуществлении допроса, очной ставки, опознания в дистанционном формате. Тем более, он зачастую не осведомлен о специализации, степени занятости того или иного сотрудника, наличии у него соответствующих организационно-технических возможностей. Особенно это очевидно, если необходимо обратиться в подразделение, находящееся на значительном удалении (в частности, относящееся к иному субъекту федерации).

Также следует учитывать такой фактор, как отсутствие служебной заинтересованности (в связи с отсутствием корреляции с официальными показателями служебной деятельности) коллег из другого территориального органа в оперативном реагировании на данное поручение, выполнении его на высоком уровне, глубоком информативном проникновении в суть механизма и обстоятельств совершенного деяния, а также в содержание доказательственной базы по уголовному делу (стремлении восполнить те или иные пробелы, разрешить противоречия) и т.п.

Излагая общие условия формирования и направления поручения сле-

дователей о производстве следственных и иных процессуальных действий в ст. 152 УПК РФ, законодатель обращает на обязательность их выполнения в течение 10-дневного срока. Применительно к выполнению поручений об организации производства следственных действий в режиме видеоконференцсвязи, требование о сроках выполнения, как таковых, делегируемых следственных действий в ст.189.1 УПК РФ прямо не предусмотрено. Имеется лишь указание о суточном сроке направления следователю, в производстве которого находится уголовное дело, подписки (о разъяснении прав участникам соответствующих следственных действий), а также прилагаемых к ней документов и материалов (включая ордер адвоката, при условии его участия), полученных в рамках указанной процессуальной деятельности. Но ведь очевидно, что может потребоваться определенное время на подготовку необходимого технического оснащения, установление местонахождения и вызов лица, с участием которого требуется провести допрос (очную ставку, опознание).

Если рассматривать соотношение положений ч. 1 ст. 152 и ст. 189.1 УПК РФ как общее и частное (общие положения о поручении производства следственных действий, исходя из требований территориальности, и поручение об организации проведения допроса, очной ставки, опознания в режиме видео-конференц-связи), то можно предположить, что 10-дневный срок исполнения поручений распространяется и на организацию проведения следственных действий в дистанционном режиме. Тем не менее, по сведениям исследователей данной проблемы, анализ практики позволяет сделать вывод, что данный срок нередко не соблюдается [14, с. 98–105].

Кроме того, далеко не всеми компетентными лицами, в принципе, признается наличие соотношения между вышеуказанными нормами, в силу отчетливой специфичности дистанционного производства следственных действий по отношению выполнения поручений следователя, исходя из общих требований территориальности.

Мы считаем, что хотя в данном случае и происходит в определенной степени делегирование обязанностей по организации производства следственных действий, тем не менее, это не исключает активную роль следователя — инициатора поручения при непосредственном его осуществлении. Передача полномочий по обеспечению проведения допроса и иных следственных действий вербального характера не означает отказа от процессуальной самостоятельности и персональной ответственности следователя не только за общие результаты расследования по уголовному делу, но и, непосредственно, за информативность следственных действий, выполняемых в удаленном режиме.

Поэтому, осуществив в познавательных целях сопоставление положений вышеуказанных норм, мы склонны считать, что ч. 1 ст. 152 и ст. 189.1 УПК РФ регулируют хотя и в некоторой степени сходные, но все же качественно разные правоотношения.

Однако нам представляется, что уязвимость конструкции ст. 189.1 УПК РФ в плане отсутствия указания на срок исполнения поручения проявляется не только и не столько в риске волокиты в формате возможного несоблюдения 10-суточного срока. Следователь (дознатель) — инициатор поручения в это время продолжает вести производство по уголовному делу, осуществляя прочие следственные и иные

процессуальные действия, он формирует и усиливает доказательственную базу, где могут возникать ситуации, требующие немедленного реагирования, а также характеризующиеся тактическим риском. Поэтому он должен находиться в тесном контакте с лицом, которому поручено выполнение отдельного поручения о дистанционном производстве следственных действий, не обладающим, по общему правилу, всей полнотой доказательственной информации по делу.

Считаем, что в законе следует прописать необходимость согласования момента (а также места и иных обстоятельств) проведения следственных действий между следователем (дознателем) — инициатором поручения и субъектом, уполномоченным на непосредственную организацию и осуществление соответствующих следственных действий. Это позволит гибко и эффективно маневрировать доказательственной информацией, оперативно реагировать на изменения следственной ситуации, корректировать тактику допроса и иных следственных действий, оперативно проводить смежные следственные и иные процессуальные действия по проверке полученной информации, — в отношении соучастников или иных осведомленных лиц, в том числе одновременно (параллельно) и с учетом фактора внезапности.

Законодателем также не определены полномочия субъекта, обеспечивающего организацию и техническое исполнение следственного действия, на непосредственном (рабочем) этапе его осуществления. Вправе ли он, например, вести следственное действие, задавать уточняющие либо контрольные вопросы, предъявлять доказательства (полученные в ходе участия в про-

ведения им иных, предшествующих, следственных действий, — если поручением охватывается деятельность в отношении двух и более лиц и/или эпизодов, а равно производство комплекса следственных действий в режиме видео-конференц-связи).

Нам представляется, что субъект расследования (следователь, дознаватель), осуществляющий непосредственное обеспечение следственного действия в месте нахождения лица, обладающего значимой для расследования информацией, мог бы быть наделен данными полномочиями, однако, по усмотрению (с разрешения,

по поручению) следователя, ведущего производство по уголовному делу. Соответственно, во избежание вероятности возникновения конфликтных ситуаций (как между самими субъектами расследования, так и при их взаимодействии со стороной защиты), содержание и объем делегированных полномочий тоже требует обсуждения и согласования, что целесообразно отразить в приобщаемом к материалам дела документе, отражающем факт распределения полномочий, по аналогии с подпиской о разъяснении прав, отбираемой у участников этих следственных действий.

Список использованной литературы

1. Варданян А.В. Проблема систематизации цифровых методов оперативно-розыскной деятельности, используемых в борьбе с дистанционными хищениями, и их криминалистическое значение / А.В. Варданян. — EDN TYUZMC // Юристъ-Правоведъ. — 2022. — № 2 (101). — С. 7–13.
2. Варданян А.В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов / А.В. Варданян. — EDN ZIHNZJ // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 15–16 марта 2019 г. — Иркутск, 2019. С. 16–21.
3. Фойгель Е.И. Естественнонаучная точка бифуркации в развитии криминалистического и уголовно-процессуального обеспечения выявления и раскрытия преступлений / Е.И. Фойгель, А.К. Щербаченко. — EDN MZUTJA // Общество и право. — 2023. — № 1 (83). — С. 60–66.
4. Фойгель Е.И. Некоторые возможности использования поведенческой биометрии в расследовании преступлений / Е.И. Фойгель. — EDN YOFAMS // Развитие российского общества: вызовы современности : материалы Нац. науч.-практ. конф., Иркутск, 15–16 окт. 2020 г. — Иркутск, 2021. — С. 417–420.
5. Афанасьева А.А. Дистанционный допрос: состояние и перспективы / А.А. Афанасьева. — DOI 10.37973/KUI.2021.36.11.014. — EDN DQRGPE // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2021. — № 3 (45). — С. 370–374.
6. Бодяков В.Н. Актуальные вопросы внедрения института производства отдельных следственных действий, проводимых дистанционно с использованием видеоконференцсвязи в местах лишения свободы / В.Н. Бодяков, Р.М. Морозов. — DOI 10.53993/2078-3914/2021/2(47)/115-131. — EDN OHFJUI // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 2 (47). — С. 115–129.
7. Родивилина В.А. Оптимизация условий предварительного расследования посредством использования систем видеоконференцсвязи / В.А. Родивилина, А.А. Шаевич. — DOI 10.21639/2313-6715.2018.1.5. — EDN XOINXV // Пролог: журнал о праве. — 2018. — № 1. — С. 28–31.
8. Скворцов Р.И. Проведение допроса с использованием средств видеоконференцсвязи: современное состояние и перспективы развития / Р.И. Скворцов. — EDN PXYSVX // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2010. — № 3. — С. 49–53.
9. Сумин С.А. Вопросы внедрения телекоммуникационных технологий в уголовное судопроизводство России / С.А. Сумин, А.С. Фомина. — EDN SWFDWJ // Воронежские криминалистические чтения. — 2008. — № 9. — С. 291–315.

10. Родивилина В.А. Использование видеоконференцсвязи при допросе в досудебном производстве / В.А. Родивилина. — EDN TPXTLH // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2014. — № 2 (6). — С. 133–138.

11. Терехин В.А. Видеоконференцсвязь в современном российском судопроизводстве / В.А. Терехин, А.Е. Федюнин. — EDN HUGZLZ // Российская юстиция. — 2006. — № 1. — С. 22–24.

12. Владимиров С.В. Использование видеоконференцсвязи при производстве следственных действий с участием лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы / С.В. Владимиров. — DOI 10.37523/SUI.2020.37.1.002. — EDN YESJJG // Вестник Самарского юридического института. — 2020. — № 1 (37). — С. 18–21.

13. Кузнецов А.В. Проблемные аспекты допроса свидетеля (потерпевшего) при расследовании преступления, совершенного в курортном регионе, и возможности использования видео-конференц-связи / А.В. Кузнецов. — DOI 10.24158/rep.2019.10.6. — EDN XCZYVJ // Общество: политика, экономика, право. — 2019. — № 10 (75). — С. 37–40.

14. Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий / К.С. Плахота. — DOI 10.24412/2071-6184-2022-1-98-105. — EDN VWKZCQ // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2022. — № 1. — С. 98–105.

References

1. Vardanyan A.V. The Problem of Systematization of Digital Methods of Operational Investigative Activities Used in the Fight Against Remote Embezzlement and their Forensic Significance. *Yurist-Pravoved = Lawyer-Legal Scholar*, 2022, no. 2, pp. 7–13. (In Russian). EDN: TYUZMC.

2. Vardanyan A.V. Novels in the Regulation of Search and Seizure as a Need for Modernizing Tactical-criminalistic Methods. *Topical Problems of Criminalistics and Forensic Expertise. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, March 15–16, 2019*. Irkutsk, 2019, pp. 16–21. (In Russian). EDN: ZIHJZJ.

3. Foigel E.I., Shcherbachenko A.K. The Natural Sciences' Point of Bifurcation in Developing the Criminalistic and Criminal Procedure Support for Detecting and Solving Crimes. *Obshchestvo i pravo = Society and Law*, 2023, no. 1, pp. 60–66. (In Russian). EDN: MZUTJA.

4. Foigel E.I. Some Possibilities of Using Behavioral Biometrics in Crime Investigation. *Development of Russian Society: Challenges of Today. Materials of International Scientific Conference, Irkutsk, October 15–16, 2020*. Irkutsk, 2021, pp. 417–420. (In Russian). EDN: YOFAMS.

5. Afanas'eva A.A. Remote Interrogation: Status and Prospects. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA Russia*, 2021, no. 3, pp. 370–374. (In Russian). EDN: DQRGPE. DOI: 10.37973/KUI.2021.36.11.014.

6. Bodyakov V.N., Morozov R.M. Topical Issues of the Introduction of the Institute of Individual Investigative Actions Conducted Remotely Using Videoconferencing in Places of Deprivation of Liberty. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2021, no. 2, pp. 115–129. (In Russian). EDN: OHFJUI. DOI: 10.53993/2078-3914/2021/2(47)/115-131.

7. Rodivilina V.A., Shaevich A.A. The Optimization of Preliminary Investigation Conditions by the Use of Video Conference Systems. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2018, no. 1, pp. 28–31. (In Russian). EDN: XOINXV. DOI: 10.21639/2313-6715.2018.1.5.

8. Skvortsov R.I. Interrogation via Videoconferencing: Modern State and Development Prospects. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2010, no. 3, pp. 49–53. (In Russian). EDN: PXYSVX.

9. Sumin S.A., Fomina A.S. Issues of Introducing Telecommunication Technologies in Russian Criminal Proceedings. *Voronezhskie kriminalisticheskie chteniya = Voronezh Criminalistic Readings*, 2008, no. 9, pp. 291–315. (In Russian). EDN: SWFDWJ.

10. Rodivilina V.A. The Use of Video-conferencing During Interrogation in the Pre-trial Proceedings. *Sibirskie ugovovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2014, no. 2, pp. 133–138. (In Russian). EDN: TPXTLH.

11. Terekhin V.A., Fedyunin A.E. A Video Conference in the Modern Russian Court Procedures. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2006, no. 1, pp. 22–24. (In Russian). EDN: HUGZLZ.

12. Vladimirov S.V. Videoconferencing in Investigative Actions Involving Persons Detained in Penal Institutions. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 1, pp. 18–21. (In Russian). EDN: YESJG. DOI: 10.37523/SUI.2020.37.1.002.

13. Kuznetsov A.V. Issues of Witness (Victim) Interrogation When Investigating a Crime Committed in a Health Resort Region and the Possibility of Using Videoconferencing. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2019, no. 10, pp. 37–40. (In Russian). EDN: XCYVJ. DOI: 10.24158/pep.2019.10.6.

14. Plakhota K.S. Use of Video Conference Communication by the Investigator (Interrogator) in the Production of Investigative Actions. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya of the Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2022, no. 1, pp. 98–105. (In Russian). EDN: VWKZCQ. DOI: 10.24412/2071-6184-2022-1-98-105.

Информация об авторе

Одноралова Юлия Викторовна — адъюнкт, Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.

Author Information

Odnoralova, Yulia V. — Adjunct, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 20.02.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.02.2025

Принята к публикации / Accepted 24.03.2025

Дата онлайн-размещения / Available online 28.03.2025